

Н. В. МОТРОШИЛОВА

Владимир Калиниченко: философствование В КОНТЕКСТЕ

С самого начала признаюсь: я мало — о чем сожалею — общалась с Володией Калиниченко лично, и в отличие от тех, чьи грустные воспоминания здесь предшествуют моим, плохо знала его как человека. Но его работы — их, увы, относительно немного — давно взяла себе за правило внимательно прочитывать и продумывать. Тем более что они располагались именно в том проблемно-контекстуальном поле, в котором еще со студенческих лет трудилась я сама, причем там и в советское время существовал достаточно плотный, сложный, продуктивный, потому что творческий, исследовательский контекст. И отличие В. Калиниченко как мыслителя и исследователя я вижу в том, что он, по моему глубокому убеждению, был превосходным *философом контекста*. Что никак не отменяет того факта, который сразу фиксировался при встрече с его высказанной мыслью или написанным словом: он действительно был самостоятельным, свободным человеком и философом.

В философском контексте, о котором идет речь в случае Калиниченко, выделяются два главных узла глубоко воздействовавшей на него мысли — феноменология, в частности и особенности гуссерлевская, и творчество Мераба Мамардашвили. Конечно, были и другие поля притяжения, скажем, идеи В. Дильтея или работы Г. П. Щедровицкого, как существовало, во всяком случае, в 70–80-х годах XX века, отечественное феноменологическое сообщество. Почему броское и стандартное, увы, описание «позднесоветской философии с ее *тотальным* конформизмом» в предшествующих воспоминаниях Н. Плотникова считаю по крайней мере неточным. (Если бы понадобилось составить перечень имен тех, кто, подобно В. Калиниченко, сумел и в советское время отвоевать для себя и соответствующих сообществ некоторое пространство хотя бы относительно свободной, исследовательской по характеру

философской мысли, сопоставимой с мировыми стандартами и с сегодня сохранившимися значениями результатами, то перечень этот занял бы не одну страницу...)

С Калиниченко мне лично приходилось «встречаться» (на конференциях, круглых столах, на страницах книг) как раз тогда, когда собирались, консолидировались феноменологическое сообщество, а также сообщество тех, кого увлекало и притягивало философствование Мамардашвили. Володя казался мне особенно увлеченным последователем, толкователем Мамардашвили. «Гуссерлианские размышления» Калиниченко — например, о феноменологической редукции, интенциональности, трансцендентализме — чрезвычайно интересны обилием нестандартных мыслей, неожиданных образов, четких формулировок. Осознанное стремление философствовать «в контексте» — с целенаправленным примыканием к некоторым очень ярким образцам — представляется мне как историку философии вполне совместимым с оригинальностью, свободой, самостоятельностью мысли. Что еще раз подтвердила до обидного короткая, сложная, но яркая судьба Володи Калиниченко.

В заключение — все же о чем-то личном. Во время последней встречи с Володей Калиниченко (на одном из собраний «Логоса») я услышала от него лестную оценку моей книги «„Идеи I“ Эдмунда Гуссерля», а главное, что он страница за страницей ее изучает. Получить такой отзыв от философа, глубоко погруженного в феноменологический контекст, было страшно важно и радостно.

Когда в самые последние годы мы делали коллективную книгу, посвященную Мерабу Мамардашвили, то я некоторое время задерживала ее, ожидая обещанную Володей статью. Потом узнала, что В. Калиниченко не стало — он умер в том же возрасте, что и Мераб Мамардашвили...

Но пока существует и будет существовать упомянутый контекст мысли, в нем будут присутствовать идеи, эмоции, образы прекрасного, безвременно ушедшего от нас философа Владимира Валентиновича Калиниченко.